

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 1

doi: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-69-75

КОНЦЕПТ ДОБРА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ВЛ. СОЛОВЬЕВА, И. ИЛЬИНА, Н. БЕРДЯЕВА: ОТ «ОПРАВДАНИЯ» К «СТРАШНОМУ СНУ»

© *Елена Алексеевна Склярва*

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону; Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия
Sklyarova2007@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается концепт добра в работах В.С. Соловьева, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева. Прослеживает взгляды русских философов в понимании вопроса о сущности и главных характеристиках добра. Делается вывод о том, что несмотря на формально видимые противоречия позиций и острую полемику в решении данного вопроса, мыслители наполняют концепт добра значимыми характеристиками, такими как: онтологичность, укорененность в божественном и природном мире, исключительность нравственной природы человека, необходимость в защите и сопротивлении злу в ходе трагического хода мирового исторического процесса. Выделенные характеристики позволяют подчеркнуть общность идей В.С. Соловьева, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева по сути воспроизведения смысла антропологической линии в истории.

Ключевые слова: добро, зло, общее дело, богочеловечество, природа человека, добродетель, пресечение зла, отрицательный лик любви, покаянное самоочищение.

Для цитирования: Склярва Е.А. Концепт добра в философской антропологии Вл. Соловьева, И. Ильина, Н. Бердяева: от «оправдания» к «страшному сну» // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 114. № 1. С. 69-75. doi: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-69-75

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

The concept of good in the philosophical anthropology of Vl. Solovyov, I. Ilyin, N. Berdyayev: from “justification” to “a bad dream”

© *Elena A. Sklyarova*

Don state technical university, Rostov-on-Don; South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation
Sklyarova2007@yandex.ru

Abstract. The concept of goodness is considered in the works of V.S. Solovyov, I.A. Ilyin, N.A. Berdyayev. He traces the views of Russian philosophers in understanding the question of the essence and main characteristics of goodness. It is concluded that despite the formally visible contradictions of positions and acute polemics in solving this issue, thinkers imbue the concept of good with significant characteristics such as: ontology, rootedness in the divine and natural world, exclusivity of the moral nature of man, the need to protect and resist evil during the tragic course of the world historical process. The highlighted characteristics make it possible to emphasize the commonality of the ideas of V.S. Solovyov, I.A. Ilyin, N.A. Berdyayev in the essence of reproducing the meaning of the anthropological line in history.

Key words: good, evil, common cause, God-manhood, human nature, virtue, suppression of evil, negative side of love, repentant self-purification.

For citation: Sklyarova E.A. The concept of good in the philosophical anthropology of Vl. Solovyov, I. Ilyin, N. Berdyayev: from “justification” to “a bad dream”. *The Humanities and Social Sciences*. 2026. Vol. 114. No 1. P. 69-75. doi: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-69-75

Введение

Глобальные потрясения современного мира, неопределенность в возможностях будущего выживания биологического вида *Homo sapiens* на планете Земля, воспроизводимые повсеместно ситуации, в освещении которых зачастую сложно отличить истину и ложь, фейк от правды, – побуждают обратиться к вопросам вечным, не теряющим своей актуальности на протяжении всей истории развития человечества, вопросам *о природе* добра и зла. Что может быть ориентиром в понимании того, что есть добро, что есть зло; к чему может привести «относительность» постмодернистских настроений, размывающих грани добра/зла или в угоду политическим и идеологическим предпочтениям сознательно укореняющих новые нормы «добра»? На сегодняшний день в значимый для нашей страны период «вспоминания» о цивилизационной самоидентификации, духовно-нравственных основаниях Российского государства-цивилизации, отечественном духовном культурном наследии – сверхактуальными представляются работы русских религиозных мыслителей В.С. Соловьева, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, содержание которых, на наш взгляд, в полной мере перекликается с противоречиями современных реалий.

Обсуждение

В кризисные моменты своего существования человечество ищет духовные опоры внутреннего мира, разочаровавшись в незыблемости мира внешнего. Если в западноевропейской философской мысли одним из поисков ответов на главные смысложизненные вопросы человека, современника трагедии I и II Мировых войн был экзистенциализм, в рамках которого центральными темами являлись – тема сущности и существования человека, прежде всего, как *индивида*, поиск смысла в ситуации хаоса и ужаса, абсурда, то русская религиозная философская мысль, в силу самобытной традиции поддержания высокого статуса философии истории, – очерчивает проблемное поле, в котором оказываются вопросы вселенского масштаба: сущность мирового добра и зла, возможность и необходимость добра и зла в историческом замысле, человек в данном контексте выступает как носитель *общего*, родового, коллективного начала.

Добро и зло как бинарная оппозиция находится в центре внимания русских религиозных философов конца XIX – I половины XX века: Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900), Ивана Александровича Ильина (1883–1954), Николая Александровича Бердяева (1874–1948).

Предисловие к своему первому изданию работы «Оправдание добра» [7] В.С. Соловьев начинает с сакраментального вопроса о наличии вообще какого-нибудь смысла в жизни человека. Если жизнь исключительно зло и страдание для всех, то в чем заключаются основания самой жизни? Если смысл жизни в изменяющемся ощущаемом удовольствии, то может ли человек всецело доверять внешним источникам своих многочисленных психологических состояний? Бесплодность и невозможность жизни без добра, которое и составляет ее смысл, *оправдывает* добро как всемирный смысл жизни, обеспечивающий «внутреннюю связь отдельных единиц с великим целым» [7, с. 89]. Чистота, всесторонность, всеильность есть образующие внутренние свойства добра, служение которым определяют жизненную задачу человека.

Добро онтологично и нравственно детерминировано. Раскрывая данное утверждение, В.С. Соловьев обращается к характеристике самой природы человека. Человек как существо биологическое, социальное и психическое – суть проявления его низшей природы, тогда как именно нравственная природа человека выделяет его из плеяды животного мира.

Человек существует в иерархичном мире, его отношения к миру выстраиваются в трех направлениях: отношение к низшему (материальному миру), отношение к равному (к себе подобным), отношение к высшему. Первичным проявлением духовной природы (нравственности), по В.С. Соловьеву, является чувство *стыда*, в акте которого человек поднимается над своей материальной низшей природой, отгораживаясь от физиологических влечений и проявления биологических функций своего организма. Наряду с чувством стыда, человеку доступно чувство *жалости* как симпатии и сострадания к живому миру подобных ему су-

ществ. Однако есть чувство, определяющее отношение человека в высшему: чувство *благоговения*, преклонения, почитания.

Стыд, жалость, благоговение составляют основу нравственной природы человека. В.С. Соловьев демонстрирует, что жалость и отдельные формы проявления благоговения присущи всему животному миру, тогда как чувство стыда исключительно человеческое чувство, врожденное, но несводимое к инстинкту самосохранения и продолжения рода, оно является первичной основой совести, которая *«прибавляет аналитическое пояснение: сделавши это недозволенное или недолжное, ты виновен во зле, грехе, в преступлении»* [7, с. 133].

Стыд позволяет возвыситься над плотью, которая сама по себе не есть тело, а материя, взбунтовавшаяся против Духа, укрощению которой посвящены все практики аскетизма, призванные служить победе над злом – господством плотской жизни. Жалость как проявление добра отчетливо видна в альтруизме, призывающем признать право за другим быть однородным с собою, на такое же существование и благополучие, право на такую же правду и справедливость. В этом контексте эгоизм как антипод альтруизма характеризуется как безжалостность, неправда и несправедливость. Принцип альтруизма здесь анализируется как двухчастное единство запрета и побуждения к действию: не обижай (правило справедливости) и помогай (правило милосердия).

Религиозное начало, выводимое из нравственности, базируется на непосредственном чувстве ребенка – признания превосходства родителей (отношении к высшему), благодарности, почитания и послушания как добровольного подчинении свободной воли требованиям высшего начала, в духовной эволюции человечества путь от почитания родителей к почитанию Небесного Отца.

В человеческом существовании добродетель как проявление добра соотносима с тремя видами отношений, в этой связи В.С. Соловьев выделяет четыре краеугольных добродетели: 1) смирение или воздержание; а также 2) храбрость или мужество представляют собой возвышающуюся духовную природу над животным инстинктом самосохранения; 3) мудрость противопоставляется эгоистическим личным целям; а 4) справедливость рассматривается в следующих смыслах: как синоним правильного и должного, как синоним симпатии и сострадания, как милосердие и как следование закону, который объективирует правду.

Богословские добродетели (вера, надежда, любовь) получают значение в случае реализации нравственных требований в отношении к низшему, однородному и высшему. Список добродетелей дополняется великодушием, бескорыстием, щедростью, терпеливостью, правдивостью. Относительно правдивости, В.С. Соловьев отмечает, что мнимая правдивость, т.е. исключительно формально-логическое соответствие слов внешней действительности может быть одновременно несоответствием слов своей внутренней правде. В этом контексте приводимый пример об убийце, который задает вопросу хозяину дома, не в его ли доме прячется преследуемый, убедительно иллюстрирует данное утверждение. Ответ хозяина дома: «Нет!» не является ложью и нарушением заповеди, т.к. по сути является ответом на вопрос: выдаст ли хозяин убийце жертву.

Первая часть «Оправдания добра» – «Добро в человеческой природе», в которой В.С. Соловьев показывает «общую нравственную основу человеческой природы» [7, с. 222] в укорененности добра посредством стыда, жалости и благоговения, служит основанием для раскрытия идеи «Добро от Бога» (вторая часть работы), в которой Бог и душа выступают не как исключительно «постулаты нравственного закона, а прямые образующие силы нравственной действительности» [7, с 244–245]. Добро, характеризующееся здесь как полное совершенство – в Боге; как идея и потенциальность – в сознании человека; как ход совершенствования действительности, «оправдывается» необходимостью реализации цели исторического делания, смысла истории. Мир, к которому уровень нравственных требований возрастает от поколения к поколению, раскрывается как процесс собирания Вселенной, переход от зверочеловечества к богочеловечеству, поэтапное движение низших форм к высшим, последовательно сменяющихся «царств» (каждое из последующего включает предыдущее): мине-

рального, растительного, животного, человеческого на пути к Царству Божию, богочеловечеству, духовно-вселенской общности. Идея богочеловечества становится для В.С. Соловьева как «живая и творческая дорога» [2, с. 23], эвристический принцип.

На этом пути добра через историю человечества, в совершении «общего дела», т.е. личного и общественного нравственного совершенствования («Добро через историю человечества», часть третья [7, с. 281] человек проходит этапы: родовой, национально-государственный, а идеалом будущего выступает всемирная совершенная общность. На национально-государственном этапе развития, на котором находится большинство человечества, бороться с проявлением внутреннего и внешнего зла призвано государство посредством подчинения насилия праву, хаоса социальному порядку.

Однако власть государственная ограничена территориально, в этой связи, при отсутствии общей власти, конфликты решаются войной, упразднение которой, по В.С. Соловьеву, является одной из главных задач собирательной жизни, поставленной нравственному сознанию человечества. Количество таких задач, возрастающих с геометрической прогрессией в современном мире, подтверждает дар предвидения выдающегося русского мыслителя, о чем точно высказался А.Ф. Лосев: «Соловьев весь без остатка сгорел в огне и ужасе своих апокалипсических предчувствий» [5, с. 89].

«Бессилие добра не есть добро...» [7, с. 205]. Положение, выдвинутое В.С. Соловьевым, о том, что добро не должно быть бессильным, в значительной степени раскрывается Иваном Александровичем Ильиным в своей работе «О сопротивлении злу силой». Постановка самой проблемы нравственной допустимости пресечения зла средствами физического воздействия предваряется размышлениями о сущности добра и зла: «...добро есть *одухотворенная* (или, иначе, религиозно-опредмеченная, от слова «предмет» *любовь*; зло – *противодуховная вражда*. Добро есть любящая сила духа; зло – слепая сила ненависти. Добро по самой природе своей религиозно, ибо оно состоит в зрячей и целостной преданности Божественному» [3, с. 30]. Преобразование духовной слепоты человека в духовную зрячесть описывается как процесс необходимый. Однако какова роль принуждения в ходе данного процесса?

И.А. Ильин критически характеризует учение Л.Н. Толстого [8] и его последователей, в котором преобразование зла описывается как действие, осуществляемое любовью, а противление злу допускается исключительно из любви и посредством любви. Обозначая такой подход как «моральное бегство» и «сентиментальный гедонизм», который по сути утверждает наслаждение «всеобщей жалостью», тяготеет к состоянию «блаженного умиления», Ильин подчеркивает, что «мораль Л.Н. Толстого видит в идее *добра* элемент *любви* и не видит элемент *духа*» [3, с. 153], который есть орудие божественного Откровения. Бездуховность сентиментальной любви искажает действительность, героически-волевые, пресекающие зло действия человека относит к его низменным проявлениям: «Называть того, кто пресекает злодейство, «насилыником» можно только от слепоты или от лицемерия...» [3, с. 181].

И.А. Ильин характеризует «заставление» как наложение воли, с помощью которой осуществляется пресечение деятельности человека, подверженного своим порокам (мести, честолюбию, зависти, властолюбию, трусости) и творящего зло: разбой и насилие. Видами заставления здесь выступают самопонуждение, самопринуждение, психическое понуждение физическое понуждение и пресечение. Насилие и зло не являются тождественными понятиями: внешнее физическое насилие само по себе не является добром или злом, а рассматривается как волевое усилие, побуждающее к самопринуждению или останавливающее ее внешние злые проявления.

Следует ли бороться со злом, сопротивляясь силой? Согласно И.А. Ильину, пресечение имеет смысл в случае соблюдения следующих условий: наличия злой человеческой воли (жестокости, злобы, агрессии, бесстыдства, безбожности), наличия верного восприятия зла, но не приятия зла, «кто *видел реальное зло*, кто воспринял его и испытал; кто получил и унес в себе его дьявольские ожоги...» [3, с. 98–99], наличие подлинной любви к добру, волево-

го отношения и деятельного участия на стороне добра в разворачивающемся мировом процессе, наличность ситуации, когда психическое принуждение оказывается бессильным.

Физическое воздействие, направленное на пресечение проявления зла человеком, в то же самое время не должно подавлять в этом человеке чувства его собственного духовного достоинства посредством применения пыток, лишения сна, пищи. Оно применимо в условиях духовной несостоятельности одного и духовной безоружности другого. При этом, сопротивляющийся должен в своих действиях видеть «отрицательный лик любви», с одной стороны, желая каждому духовного преображения, с другой, – осознавая невозможность любви ко злу в душе преступника.

По Ильину, отрицательная любовь – это боль и мука для того, кто борется со злом, т.к. в человеческом общении все люди связаны между собой в добре и зле, поэтому на закономерно возникающий вопрос может ли человек, осуществляющий физическое пресечение, считать себя нравственно совершенным, мыслитель отвечает следующее: «Это было бы столь же реально, умно и состоятельно, сколь состоятельно, умно и реально человеку, провалившемуся по пояс в болото, рассуждать о том, как бы ему вернуться домой, не допустив на своей одежде ни одного влажного пятнышка» [3, с. 293]. Есть жизненные проявления, в которых уместнее искать наименьшего зла и наименьшей несправедности, чем святости и чистоты. Героизм борца заключается в сознательно принятой несправедности, духовной опасности поражения злом, осознании необходимости противостояния для духовного очищения, которым является таинство покаяния.

Книга И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой», вышедшая в свет в 1925 году, вызвала бурную реакцию со стороны Николая Александровича Бердяева, высказавшегося по поводу ключевых ее положений в своей статье «Кошмар злого добра» (1926). Н.А. Бердяев резко критикует личность автора, считая, что тот «заразился ядом большевизма» [1] и претендует на знание абсолютной истины в эпоху, «объятую кровавым кошмаром» [1]. Однако точкой соприкосновения идей этих двух масштабных философов является осмысление учения Л.Н. Толстого, толстовства как явления, которое, в целом, как для Н.А. Бердяева, так и для И.А. Ильина представляется несвоевременным и отвлеченным. В значительной степени негативно Н.А. Бердяев характеризует призыв И.А. Ильина к силовому сопротивлению злу и в этой части своей работы не скупится на эмоциональные, яркие и выразительные эпитеты, что не исключает одновременное признания факта: «Весь характер нашей эпохи вполне антитолстовский, и мало кто сомневается сегодня в оправданности сопротивления злу силой и даже насилием» [1]. Тогда в чем заключается критика и неприятие?

Согласно Н.А. Бердяеву, И.А. Ильин изменил христианству, религии Богочеловечества, пропагандируя отрицательную любовь, забывая о православном милосердии, о человеческой индивидуальной судьбе, о душе, о разграничении духовного и природного мира, о том, что государство не есть принуждающий к добру носитель абсолютного добра. Любовь, которая проходит в земной жизни ряд состояний, выражающих степень ее полноты, не исключает душу каждого человека, которая «стоит больше, чем все царства мира» [1]. Казнь рассматривается как вопрос печального факта, как непосредственная борьба и действие стихийных сил, а не право и оправдание.

Созвучными словам И.А. Ильина о роли и значении покаяния в духовном очищении человека оказываются и слова Н.А. Бердяева: «Самый замечательный из русских старцев, с которым я много беседовал за несколько дней до моего принудительного выезда из России, говорил мне, что он придает главное, центральное значение для спасения России покаянию коммунистов и красноармейцев, обращению их ко Христу» [1]. Спор с И.А. Ильиным Н.А. Бердяев позиционирует как спор о природе добра, проявлении Христовой правды. Он утверждает, что любовь к человеку, милосердие и есть само добро, а отвлеченный идеализм И.А. Ильина есть отрицание человека и богопротивление.

Статья Н.А. Бердяева «Кошмар злого добра», опубликованная в журнале «Путь», не осталась незамеченной И.А. Ильиным, который счел возможным продолжить полемику в ка-

честве «необходимой обороны» [4], обращаясь, прежде всего, к читателю, ищущему правды. Иван Александрович иронично замечает, что г. Бердяеву приснился кошмар относительно системы идей, приписываемых некоторому «И. Ильину», которые Ильин и сам не разделяет: это идеи относительно того, что государство есть воплощение идеи добра на земле, по Платону; неошибающаяся общая воля, по Руссо; мирное сожительство, по Гоббсу, проявление абсолютного духа, по Гегелю; защита власти пролетариата, социализма в марксизме. И.А. Ильин подчеркивает, что данные системы идей совершенно не отражают его личных взглядов, исключают главное условие, согласно которому «духовное начало в человеке требует для своего осуществления на земле именно личного, свободного, добровольного, невынужденного и невынужденного обращения души к предмету и Богу» [4].

В ответ на обвинения Бердяева, Ильин скрупулезно перечисляет страницы своей работы, на которых речь идет о соотношении государства и Церкви в духе русского православия, о государственной необходимости сопротивляться злу силой как исторической трагедии, об обязанности покаянного самоочищения, о социальных путях взаимовоспитания, об избежании государственных способов воздействия на преступника, озлобляющих и ожесточающих его душу. Завершает свою статью «Кошмар Н.А. Бердяева» И.А. Ильин справедливым и актуальным для сегодняшнего дня высказыванием «...когда предметом является не чья-нибудь книга и не чье-нибудь воззрение, а таинственно и сложно переживаемый духовный предмет, например, истина, добродетель, любовь, брак, свобода, право, равенство... Исследование этих предметов чрезвычайно трудно, сложно и утонченно. Споры и доказательства на эти темы требуют огромного чувства ответственности, правдолюбия, беспристрастия, суровой выдержки; словом – бережно наращенного духовного опыта и умственного аскеза» [4].

Выводы

Русская религиозная философия, в которой «православие в его русской форме содержит исключительно высокие ценности» [6, с. 4], в лице Вл. Соловьева, И. Ильина, Н. Бердяева концентрируется на проблеме природы добра, в антропологическом ключе наполняя данный концепт смыслом, согласно которому добро выступает одним из фундаментальных нравственных оснований в природе самого человека. Несмотря на внешне кажущееся различие взглядов и точек зрения, отчасти взаимную критику, личностное неприятие и разногласия, позиции Вл. Соловьева, И. Ильина, Н. Бердяева в определении добра можно характеризовать как оригинальные, авторские, однако не противоречащие друг другу по сути интерпретации генеральной линии в понимании вопроса о сущности и основных характеристиках добра: оно онтологично, укоренено в божественном и природном миропорядке, является основой нравственной природы человека, нуждается в защите и сопротивлении злу в ходе трагического хода мирового исторического процесса.

Список источников

1. *Бердяев Н.А.* Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») // Путь. 1926. № 4. С. 103–116. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/koshmar-zlogo-dobra/#source (дата обращения 10.10.2025).
2. *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. Т. II. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 544 с.
3. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. М.: ДАРЪ, 2023, 480 с.
4. *Ильин И.А.* Кошмар Н.А. Бердяева. Необходимая оборона – URL: https://russianway.rhga.ru/upload/main/33_Puyn.pdf (дата обращения 15.11.2025).
5. *Лосев А.Ф.* Русская философия // *Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.* Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. С. 67–95.
6. *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Академический проект, 2018. 551 с.

7. *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Сочинения в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1990. С. 47–580.
8. *Толстой Л.Н.* Об истине, жизни и поведении. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 1040 с.

References

1. *Berdyayev N.A.* The Nightmare of Evil Good (On I. Ilyin's Book “On Resisting Evil by Force”) – Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/koshmar-zlogo-dobra/#source (accessed 10.10.2025).
2. *Zenkovsky V.V.* History of Russian Philosophy. In 2 volumes. Vol. I. Rostov-on-Don: Phoenix, 2004, 554 p.
3. *Ilyin I.A.* On Resisting Evil by Force. М.: DAR, 2023, 480 p.
4. *Ilyin I.A.* Nightmare of N.A. Berdyayev. Necessary Defense. – Available at: https://russianway.rhga.ru/upload/main/33_Ilyin.pdf (accessed 15.11.2025).
5. *Losev A.F.* Russian Philosophy // *Vvedensky, A.I., Losev, A.F., Radlov, E.L., Shpet, G.G.* Essays on the History of Russian Philosophy. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1991. Pp. 67–95.
6. *Lossky N.O.* History of Russian Philosophy. М.: Academicheskyy Proekt, 2018. 551 p.
7. *Soloviev V.S.* Justification of Good. Works in 2 volumes. Vol. I. М.: Mysl', 1990. P. 47–580.
8. *Tolstoy L.N.* On Truth, Life, and Behavior. М.: EKSMO-Press, 1998, 1040 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.